

УДК 101.1:316

DOI 10.25688/2078-9238.2020.36.4.06

**Г.А. Ермоленко,
С.Б. Кожевников**

Деконструкция и гуманитарная экспертиза

В статье рассматриваются эвристические возможности деконструкции при проведении гуманитарной экспертизы современных социальных процессов. Одним из знаковых событий в жизни современного общества стало появление различных тактик соблюдения социальной дистанции, что было вызвано необходимостью защиты от распространения опасного вирусного заболевания. В статье анализируются социальные последствия, к которым привело введение режима самоизоляции. В частности, это повлекло за собой расширение использования онлайн-технологий в образовательном процессе и переход многих предприятий на дистанционный режим работы. Вместе с тем предписание самоизоляции актуализирует в массовом сознании ряд концептуальных компонентов, которые можно отнести к проявлениям традиционализма, например таких как корпоративизм, герметизм общинного сознания, затрудненность мобильности. Самоизоляция предполагает не только ограничение свободы передвижения, но и некую коммуникативную санкцию, поскольку в данном случае речь идет о трансформации привычной среды коммуникации. Авторы приходят к выводу, что карантинные меры не прерывают коммуникации и не налагают санкций на общение. В условиях развития цифровых технологий речь идет не столько об отказе от коммуникации, сколько об актуализации требования соблюдения социальной дистанции. В статье проводится историческая реконструкция понятия «социальная дистанция», концептуальная разработка которого была осуществлена Г. Зиммелем. Предпринятый в статье анализ содержания общественных дискуссий на тему самоизоляции в условиях вирусной пандемии демонстрирует продуктивные эвристические возможности гуманитарной экспертизы.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза; деконструкция; самоизоляция; социальная дистанция; массовое сознание.

Понятие «деконструкция» было введено в язык философии М. Хайдеггером и широко использовалось в структурно-психоаналитических и социологических этюдах Ж. Лакана, Ж. Делёза, Ф. Гваттари. Теоретическое обоснование практики деконструкции дал Ж. Деррида, уделив особое внимание средствам художественной транскрипции философских концептов и исследовательской работе по реконструкции их метафорической этимологии. Как показывает опыт, в настоящее время деконструкция, понятая в качестве инструмента философской аналитики, наряду с другими рефлексивными практиками, может находить применение и в рамках гуманитарной экспертизы. Привычный для философского познания набор

методологических приемов дополняется здесь анализом эстетических и культурных контекстов, связанных со смысловыми и текстологическими реконструкциями, речевыми и фонологическими ассоциациями, историческими и культурными аллюзиями.

Деконструкция объединяет текст с контекстом, знак с определяющей его значение эстетической средой и тем самым сближает философию с арт-практиками. Это дает возможность разглядеть ментальные истоки того или иного социально-культурного феномена, реконструировать исторические обстоятельства его возникновения. При этом деконструкция не сводима к созданию лингвистической или семантической модели. Акт деконструкции уникален, как подпись или идиома. Ж. Деррида сравнивал деконструкцию с суматошным полетом птицы, беспokoящейся за своего птенца, выпавшего из гнезда. Поскольку деконструкция трансформирует философию, превращая ее в своеобразную интерпретативную практику, то она, подобно современному искусству, проблематизирует свой институциональный (а в случае философии и эпистемологический) статус, растворяясь в жизненном мире человека. Практика деконструкции подходит к исследованию своего предмета со стороны речевых актов, культурно-исторических традиций, социальных норм и ритуалов, символов, ценностей.

Социальная реальность хранит в себе следы жизненного мира, запечатленные в лингвистических конструкциях, являющихся своеобразными отпечатками человеческих потребностей и интересов. Жизненный мир пронизан коммуникативными практиками культуры, в основе его архитектоники лежат смысловые связи, на базе которых формируются социальные значения и которыми оперирует обыденное сознание. Анализ языков повседневности дает возможность переосмысливать очевидное, обнаруживая особую установку ума, которая содержится в повседневном опыте человека. Говоря словами А. Камю, такой подход позволяет «перечислить видимости, прочувствовать душевный климат» [5, с. 29]. Слово — это своеобразное пристанище смысла, придающее ему свою пространственно-временную локацию. Вместе с тем выраженная в имени форма мысли генерирует определенные действия, поэтому содержит в себе явный практический компонент.

Одной из задач, стоящих сегодня перед общественными науками, является проведение комплексной гуманитарной экспертизы коммуникативных практик, осуществляемых на различных уровнях социальной реальности. Так, правильно подобранное слово, используемое, к примеру, на коммуникативном уровне политической системы, широко представленное в СМИ или в нормативно-правовых актах, способствует развитию политической культуры и повышает степень правовой компетенции граждан. Гуманитарная экспертиза, по словам Б.Г. Юдина, — это «механизм согласования, выработки компромиссных решений и, помимо всего прочего, выхода на, как правило, более фундаментальные уровни общих интересов, выработки платформ, на которых возможен переход от логики противостояния и конфронтации к логике объединения и взаимодействия» [7, с. 230].

Эвристические возможности гуманитарной экспертизы хорошо просматриваются на примере анализа социальных последствий режима самоизоляции, под которым понимается комплекс ограничительных мер, призванных снизить темпы распространения опасного вирусного заболевания и в условиях пандемии создать благоприятные условия для его своевременной диагностики и эффективного лечения. В соответствии с законодательной инициативой комитета Совета Федерации РФ по конституционному законодательству термин «самоизоляция» планируется внести в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». В поправках к этому закону предлагается дать определение понятия «самоизоляция», а также раскрыть его содержание и правовой статус. В связи с этим гуманитарная экспертиза последствий режима самоизоляции, прописанного в новой редакции федерального закона, выглядит весьма своевременной и актуальной. Как отмечал Б.Г. Юдин, «в качестве технологий, подвергающихся экспертизе, могут выступать и социальные нововведения, например, решения законодательной и исполнительной власти, дающие начало новым социальным практикам» [Там же].

Слово «изоляция» восходит к французскому слову *isolation* и указывает на лишение индивида возможности взаимодействовать с социальной средой. Синонимы слова «изоляция» — «плен», «заточение», «неволя». Особая совокупность значений возникает в естественно-научной области: электрическая изоляция — это предотвращение непосредственного касания проводника с током окружающих предметов; тепловая изоляция — защита от тепловых потерь при помощи плохо проводящих тепло веществ. С.И. Ожегов так характеризовал значение слова «изолироваться» — отдаляться от окружающей среды. Изолированный — это отдельный, не соединенный с другими, единичный. В этом контексте слово «самоизоляция» не совсем точно передает смысл того социального феномена, который выражается введением комплекса ограничительных мер. В словарном значении слова «изоляция» акцентируется внимание на неполучении человеком чего-то для него необходимого, что воспринимается как своеобразное лишение, наказание. В таком виде изоляция актуализирует желание человека преодолеть преграду и как бы вырваться из клетки, получить, наконец, желанную свободу.

Слово «изоляция» этимологически связано со словом «изгой», характеризующим человека, изгнанного из общины, лишенного своей естественной среды коммуникации и обреченного на одиночество. В традиционном обществе человек ощущал свою органическую причастность коллективному целому, общине, *Gemeinschaft*, в терминологии Ф. Тенниса. Посредством принадлежности к общине человек был прочно привязан к земле. Для мифологического сознания характерно отождествление общины, земли и богов. Человек обожествляет землю, персонифицирует ее в поговорках, культах и верованиях. Такая земля не может принадлежать человеку на праве собственности. Когда испанские конкистадоры захватили территории традиционного проживания

индейцев и объявили их землю своей собственностью, индейцы, будучи носителями автохтонного традиционного сознания, отнеслись к этому с крайним недоумением. Как вообще какой-либо человек может считать себя хозяином земли, на которой живут духи их предков? Феномен собственности вообще является трудным для понимания традиционным сознанием, в особенности когда это касается столь сакрального элемента общинной жизни, как земля, поскольку земля и ее недра — это имущество и среда обитания рода.

Чем активнее традиционное сознание ограничивало свои связи с внешним миром, тем больше проявлялась зависимость человека от той уникальной среды коммуникации, которая сформировалась на территории поселения общины. Чем меньше социальная группа, как справедливо отмечал Г. Зиммель, тем прочнее в ней социальные связи и тем сложнее ее покинуть. Среда коммуникации традиционного общества локализована в пространстве и времени, поэтому, в понимании принадлежащего общине человека, если нет общения здесь, то его не может быть нигде. С закрытым характером общественных отношений связана социальная функция моральных норм, которые в условиях традиционного жизненного уклада превращают совесть в специфический инструмент общественной регуляции человеческой деятельности. В этом случае мы имеем дело с социальным феноменом морали как коллективной совести. Существующая в общинном сознании среда коммуникации строится на регулярных взаимодействиях и личных отношениях участников. Сфера означаемого и возможности декодирования символической реальности ограничивалась локальной территорией и своей социальной группой: родовой или соседской общиной.

Изоляционизм явно прослеживается в герметизме традиционных обществ: община вела закрытый образ жизни, контактируя с внешней средой только по необходимости. Исторически внешние взаимодействия были сопряжены с риском, раскрашивались в цвета суеверий и стереотипов, обрастали ореолом недоверия к внешнему миру. По этой же причине принадлежащий к общине человек критически относился к разного рода социальным нововведениям. Изолируясь территориально и физически, община обеспечивала прочную групповую идентичность, которая проявлялась в самосознании этнической группы и фиксировалась в героической истории рода. Тем самым человек сохранял вневременное единство с духовным опытом своих прародителей. Иллюстрациями такого способа трансляции культурного опыта является передача знаний из уст в уста, широко распространенные среди славян представления о защите, исходящей от предков, и другие формы исторической памяти, относящиеся к реликтам общинного сознания.

Деконструкция слов «изоляция» и «самоизоляция» позволяет ответить на вопрос о том, где начинается и заканчивается коммуникация, провести демаркационную линию этого социального явления и тем самым осуществить декодирование социальных импликаций изоляционистских практик в их многообразных модификациях. Изоляция в социальном смысле — это своеобразное

когнитивное нарушение в системе коммуникации, приводящее к фатальному непониманию ее кодов и матриц. Р. Барт отмечал, что изоляция проявляется в невзаимности, нетранзитивности, в потребительском отношении к содержанию слов, приводящему к разладу между читателем и автором. Читатель воспринимает текст излишне прямолинейно, пребывает в состоянии праздности, хотя он мог бы сделать собственную ставку в игре, что позволило бы ему насладиться чертами означающего, проявить свою свободу интерпретации. Однако он предпочел покорно склонить голову перед авторитетом автора. Р. Барт полагал, что «письмо — это образ неопределенности, неоднородности и уклончивости», «черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самоидентичность» [1, с. 384].

Таким образом, изоляция формируется в условиях односторонней коммуникации, когда человек, окруженный информационным шумом фейк-новостей и буффонадой реалити-шоу, не может быть услышанным и фактически погружается в состояние одиночества. В такой ситуации, когда отсутствует возможность реальной обратной связи, возникает почва для формирования разнообразных симулякров, имитаций реальности, или, как говорил Ж. Бодрийяр, «событий без событий», в которых общение замещается лишь видимостью социальной коммуникации. Ж.-Л. Нанси, выявляя особенности массовой культуры, заключал: «Смысла нет, если он не разделен другими» [6, с. 16].

Ж. Бодрийяр называл массмедиа «словом без ответа» в силу того, что у зрителя нет возможности вступить в диалог, изменить его направление, содержание или форму подачи информации или, в конце концов, просто дать ей свою интерпретацию. Феномен «слова без ответа» в полной мере присущ современным избирательным технологиям, которые имплицитно содержат в себе приемы манипуляции массовым сознанием. В некоторых практиках социологических опросов часто «ответ уже включен в вопрос», «это — слово самому себе», «симулированная возможность ответа», «абсолютизация слова, прикрытая формальной маской обмена» [3, с. 211]. Именно этим объясняется призыв Ж. Бодрийяра к отказу от «монополии слова». Он полагал, что нужно «сделать так, чтобы словом можно было обмениваться, давать его друг другу и возвращать так же, как взгляд или улыбку, и чтобы оно никогда не могло быть остановлено, заморожено, припасено или повторно распределено на каком-либо участке социального процесса» [Там же]. Сохранение свободного обмена словом предполагает личную вовлеченность и ответственность участников социальных взаимодействий. Такие формы участия предполагают осмысленный характер коммуникации, который многократно интенсифицируется при использовании инструментов критической рефлексии.

М.М. Бахтин показывал, что попытка привязать содержание текста к какой-либо совокупности конкретных исторических событий, изолировать его внутри исторической эпохи значительно обедняет его содержание: «Замыкание в эпохе не позволяет понять и будущей жизни произведения в последующих веках» [2, с. 112]. Например, рассмотрение литературного произведения с точки

зрения его роли в борьбе с крепостным правом предполагает, что «такое произведение должно полностью утратить свое значение, когда крепостное право и его пережитки уйдут из жизни» [2, с. 212]. Но художественное произведение — это еще и эстетический феномен, оно входит, как говорил М.М. Бахтин, в «большое время», инициирует непрерывный диалог читателя и текста.

Изоляция предполагает не только ограничение свободы передвижения, но и некую коммуникативную санкцию, поскольку в данном случае речь должна идти о трансформации среды коммуникации. При этом самоизоляция сочетает признаки внешних и внутренних ограничений: налагаемых на человека, с одной стороны, обществом, а с другой — им самим. Но как человек может лишиться *сам себя* столь важного элемента социальной жизни — общения? Возможно ли оказать действенное влияние на принятие им такого решения? В какой мере независимые от воли человека события могут быть основанием для подобного рода налагаемой на себя санкции? Говоря языком Р. Барта, в слове «самоизоляция» обнаруживается значительный разрыв означаемого и означающего. Буквальное значение слова «самоизоляция» предполагает не просто уменьшение интенсивности коммуникации, а *сознательный отказ* от нее. В современных же условиях развития цифровых технологий речь может идти не столько об отказе от коммуникации (ведь физическая изоляция в современном мире напрямую не связана с процессами коммуникации вообще), сколько о необходимости соблюдения социальной дистанции. Возможно, это словосочетание даже в большей степени передает тот смысл, который изначально вкладывался в слово «самоизоляция».

Разработка понятия «социальная дистанция» принадлежит Г. Зиммелю. В «Философии денег», опираясь во многом на анализ урбанистических тенденций, только намечавшихся в Берлине на рубеже XIX–XX вв., он предугадал рост отчужденности, углубляющейся на фоне развивающейся рыночной экономики и процессов институционализации, призванных регулировать жизнь индустриального общества. Многоликость образа жизни городского населения на фоне беспрецедентного развития экономических и политических свобод подвергалась детальной регламентации и трансформировалась в соответствии с новыми экономическими реалиями мегаполисов. Правовой обычай гласил: «Городской дух делает свободным». В частности, принцип равенства прав граждан, который одновременно лежал и в основе правового государства, и в основе рыночной экономики, позволял развивать конкурентные социальные отношения. Он переводил экономическую конкуренцию из разряда конфликтов в продуктивную систему отбора эффективных экономических и политических практик.

К характерным образцам формирования социальной дистанции в условиях современных индустриальных обществ следует отнести также развитие навыков пунктуальности в системе общего образования и на производстве. В этом смысле звонок в школе подобен гудку на заводе. К этому же ряду

явлений относится и социальное требование тщательного выполнения профессиональных инструкций. В особенности это касалось сложных технологических процессов на производстве. Задание в школе является прообразом инструкции для рабочего, а школьная форма, согласно своим функциональным признакам, подобна профессиональной одежде, выражающей семантику социальных различий, но в то же время мобилизующей на достижение общих целей.

Капиталистическая рациональность в своих правовых и экономических институциях могла развиваться лишь в условиях повсеместного распространения этоса социальной дистанции. Она создавала особый стиль городской жизни с присущим ему беспокойным ритмом и высокой скоростью протекания социальных процессов. В индустриальном городе стремительно росла интенсивность кратковременных социальных контактов и в то же время увеличивалась степень обезличенности индивидов. В результате жители мегаполисов уже просто не могли поддерживать интенсивность личных контактов в прежнем объеме. Они были вынуждены применять определенную систему их регламентации, заменяя привычные формы общения набором социальных инструментов и техник коммуникации.

При исследовании социальной природы нормативного предписания соблюдения социальной дистанции Г. Зиммель ввел в социальную теорию широко использовавшееся в дальнейшем в социологии понятие стиля жизни. Стиль жизни, именуемый Г. Зиммелем «вуалью», «барьером, между эмоциями субъекта и их проявлениями» [4, с. 174], характеризовал особенности эстетической среды современного ему города. Таким образом, стиль жизни становится эстетическим модусом социальной дистанции, погружая горожан в многообразные ситуации экономического обмена и ролевого предпринимательства. Горожане все чаще прибегали к использованию денег как всеобщего эквивалента, что инициировало дистанцию между вещью и индивидом и, как итог, актуализировало особые инструменты опосредования социальных взаимодействий. Благодаря социальной дистанции, как показывал Г. Зиммель, возникал феномен стоимости экономических благ. В стоимости предметов выражалась степень их редкости, что и приводило к осознанию их общественного значения, или ценности. Так, знаки культуры, опосредующие социальные взаимодействия, привносят в них «живой импульс соотнесения» [4, с. 205], налаживают социальную жизнь города как большого социального организма.

Используя средства деконструкции, гуманитарная экспертиза позволяет таким образом обнаруживать в социальной коммуникации следы различных культурно-исторических традиций, выявлять смысловые контексты функционирования знаково-символических конструкторов массового сознания.

Литература

1. *Барт Р.* Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
3. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Библион – Рус. книга, 2004. 304 с.
4. *Зиммель Г.* Избранное. Проблемы социологии. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
5. *Камю А.* Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат. 1990. 415 с.
6. *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. М.: Логвинов, 2004. 272 с.
7. *Юдин Б.Г.* От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманитарные знания: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 214–237.

Literatura

1. *Bart R.* Izbranny`e raboty`. Semiotika. Poe`tika. M.: Progress, 1989. 616 s.
2. *Baxtin M.M.* E`stetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1986. 444 s.
3. *Bodriyyar Zh.* K kritike politicheskoy e`konomii znaka. M.: Biblion – Rus. kniga, 2004. 304 s.
4. *Zimmel` G.* Izbrannoe. Problemy` sociologii. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, Centr gumanitarny`x iniciativ, 2015. 416 s.
5. *Kamyu A.* Buntuyushhiy chelovek: Filosofiya. Politika. Iskusstvo. M.: Politizdat. 1990. 415 s.
6. *Nansi Zh.-L.* By`tie edinichnoe mnozhestvennoe. M.: Logvinov, 2004. 272 s.
7. *Yudin B.G.* Ot e`ticheskoy e`kspertizy` k e`kspertize gumanitarnoj // Gumanitarny`e znaniya: tendencii razvitiya v XXI veke. V chest` 70-letiya Igorya Mixajlovicha Il`inskogo. M.: Izd-vo Nacz. in-ta biznesa, 2006. S. 214–237.

*G.A. Ermolenko,
S.B. Kozhevnikov*

Deconstruction and Humanitarian Expertise

The article deals with the heuristic possibilities of deconstruction when conducting humanitarian expertise of modern social processes. One of the most significant events in the life of modern society was the appearance of various tactics for maintaining social distance, which was caused by the need to protect against the spread of a dangerous viral disease. The article analyzes the social consequences of the introduction of self-isolation. In particular, this has led to an increase in the use of online technologies in the educational process and the transition of many enterprises to remote operation. At the same time, the requirement of self-isolation actualizes a number of conceptual components in the mass consciousness that can be attributed to manifestations of traditionalism, such as corporatism, hermeticism of community consciousness, and mobility difficulties. Self-isolation implies not only a restriction of freedom of movement, but also a kind of communicative sanction, since in this case we are talking about the transformation of the usual communication environment. The authors conclude that the quarantine measures do not interrupt

communication and do not impose sanctions on the community. In the context of the development of digital technologies, it is not so much about the rejection of communication, as about the actualization of the requirement to observe social distance. The article presents a historical reconstruction of the concept of «social distance», the conceptual development of which was carried out by G. Simmel. The analysis of the content of public discussions on the topic of self-isolation in the context of viral epidemic demonstrates the productive heuristic possibilities of humanistic expertise.

Keywords: humanitarian expertise; deconstruction; self-isolation; social distance; mass consciousness.